

Первый постулат общего человековедения¹

Ф. Т. Михайлов,
доктор философских наук

От редколлегии. Известный российский философ и теоретик образования академик РАО Ф. Т. Михайлов хорошо известен психолого-педагогической общественности. С любезного разрешения автора и издательства «Индрик» мы публикуем фрагмент его очерка «Философия образования: ее возможности и перспективы». В нем остро поставлена проблема форм субъективности (реальной идеальности) в образовании.

В указанном издательстве в скором времени выйдет новая книга Ф. М. Михайлова — «Самоопределение культуры. Философский поиск».

Изначально простой и ясный, доказательств не требующий, всеобщий, потому и априорный (для каждого следующего из него выражения) смысл бытия человеческого, аффективно прожитый, постоянно воспроизводимый всеми видами народного самоосознания, будучи теоретически рационализирован, может выглядеть, например, как развернутое суждение: Обращением людей друг к другу и к себе самим они обеспечивают главное условие своего существования — свою общность, а имеете с ней главную способность своего физического выживания: произвольность и целесообразность своего отношения друг к другу, к той форме общности, в которой живы, и ко всем объективным условиям ее существования, а тем самым и к Природе как Целому².

Это же можно сформулировать еще более «теоретично».

¹ Михайлов Ф. Т. Избранное. М.: Индик, 2001. С. 499-506.

² Мой термин **обращение** не случайно имеет двойной смысл: обращение к кому-то и ко всем воспринимающим (*urbi et orbi*, как говорили древние) и своеобразное «обращение обращений». Для пояснения обратим внимание на экономическое понятие обращения. В классической политэкономии производство рассматривалось как нечто обособленное от потребления и обращения (обмен, торговля, распределение, хранение, перевозки и т. п.). Актом критики ее логической формы стало Марксово определение **производства**. Оно как таковое существует тогда и только тогда, когда **производитель** создает некоторый продукт, тем самым — и потребность в нем, то есть **потребителя**. (Здесь не лишним будет и еще одно напоминание: в «Немецкой идеологии» Маркс заметил, что «первый исторический акт — производство потребности».) Производитель **обращается** к нему со своим продуктом (предложение). Но и потребитель только тогда заслуживает такого хозяйственного определения, когда **обратится** к производителю со своей потребностью в данном продукте (спрос). **Производящее** их обоих **отношение** (взаимоотношение) объективно существует как действия особых групп людей, обеспечивающих движение продукта, отождествляющее их в реальном пространстве **обращение**. Именно в этом пространстве обнаруживается, что производитель в процессе создания продукта **потребляет** сырье, рабочую силу и средства своего производства, являясь тем самым и **потребителем**. В свою очередь, потребляющий его продукцию как самый настоящий **производитель** производит свою потребность и себя в качестве рабочей силы. Само же **обращение** — это двуликий бог Янус, обращен к производителю лицом **потребителя**, а к потребителю — лицом производителя, отождествляя собой и в себе, как и положено богу, того и другого и в каждом из них — его противоположность. При натуральном хозяйстве тождество и потребителя, и производителя натурально (естественно). При **товарном** хозяйстве связка (обращение) выполняет функцию обращения производителя в потребителя, а потребителя в производителя. И только этот триединый процесс **взаимоотождествления** всех трех элементов есть **производство как таковое!** Но тем самым процесс производства средств к жизни хотя и исходная (внутри еще не расчлененного тождества), но особенная форма реализации всеобщего **Начала** человеческого типа жизни — производства друг в друге потребностей в **субъективной** мотивации общего со-действия.

Порождающим и сохраняющим человека отношением было, есть и навсегда останется его обращение к субъективности других людей, формирующее своей мотивацией их сочувствие, со-мыслие (со-знания) и со-гласие в со-действии, способное обеспечить расширенное воспроизводство средств к жизни и главных его условий: самоорганизующейся общности людей, креативной и когнитивной духовной и духовно-практической его продуктивности.

Порождающее отношение, как и всякое отношение чего-то к чему-то, включает в себя не два, а три активно «действующих лица»: то, что относится, то, к чему оно относится, и само связывающее их отношение — связку. В этом смысле всякое (тем более порождающее) отношение обратимо: все три его элемента с равной необходимостью порождают свое единство, свою целостность.

Также обратимы и элементы сказывания о нем. По первой аксиоме современной логики от перемены мест двух взаимосвязанных высказываний логическая связь их не меняется. Поэтому в формуле первого постулата общего человековедения мы, не меняя логической правильности их смысловой связи, можем утверждать:

«Порождающим и сохраняющим человека отношением было, есть и навсегда останется отношение к субъективности других людей, ищущее со-чувствия, со-мыслия (со-знания) и со-гласия в со-действии с ними, формирующее мотивацию их и его поведения, способное обеспечить расширенное воспроизводство средств к жизни и главных его условий: самоорганизующейся общности людей, креативной и когнитивной духовной и духовно-практической его продуктивности».

Из данной аксиомы логически следует **первая схолия**:

Средний член этого отношения, то есть оно как таковое, как связка, объективно представлен средствами его осуществления.

Пояснение: в качестве таковых анализ исторических условий возникновения этого отношения выявил речевое обращение людей друг к другу и к себе самим, осуществляемое на триедином языке — вербальном, пластично-образном и музыкальном. К комбинации этих трех ипостасей триединого языка относятся орудия и все прочие средства труда, его предмет, а тем самым и все целесообразно и произвольно переведенные восприятием в аффективно-смысловой образ (переведенные во образ, воображаемые) предметы, явления и процессы окружающей человека природы. Отсюда — **первая теорема**:

Обращения людей друг к другу овнешняют для других и для них самих аффективно-смысловые мотивы этого действия и тем одновременно формируют единство индивидуально субъективной и надиндивидуальной (интерсубъективной) реальностей пространства их общения.

Ее доказательство (от противного):

«Если субъективный мотив обращения человека к другим и к себе как к другому не представлен некоторым способом и определенной формой в овнешненном для них образе (не дан ему и другим в представлении), то он ими не будет воспринят, не станет новым фактом их субъективного переживания, преобразующим их субъективные состояния, а следовательно, не станет связкой в их отношениях друг с другом. В соответствии с первым постулатом овнешняющая мотивы обращения реальность его речевых средств, реальность способов и форм их использования, являясь каждый раз изначально индивидуально-субъективной, но, став овнешняющим духовный мир человека его обращением *urbi et orbi*³, оказывается пространственно-временным фактом, сохранившим аффективно-смысловую свою природу потому, что этот факт существует теперь как обращение, но лишь в том случае, если его всеобщую (общую для всех) форму кто-то (в пределе — все) воспринимает как

³ Ко всеобщему сведению.— Ред.

собственное субъективное переживание. Так, книга, которую никто никогда не читал и прочитать не сможет, является чем угодно (сшитыми листами испачканной бумаги), но никак не книгой, полной образов и смыслов. Зато всё, что создано людьми для людей и людьми переживаемое, наполняет собой и тем создает реальное пространство общения — напряженное поле со-чувствия и со-мыслия; оно же — поле идеально-реальной интерсубъективности⁴. Что и требовалось доказать».

Отсюда **вторая схолия**:

Нравственное чувство и нравственная направленность всякого слова и дела человека являются атрибутивным определением человеческого способа жизни.

Пояснение: *из первого постулата, первой схолии и первой теоремы следует, что всякое обращение (словом и делом) человека к другим и к себе самому, реализующее осознанные или неосознанные личные его мотивы, объективно направлено либо на креативное (творческое) и когнитивное (познавательное) сочувствие, со-мыслие и содействие, укрепляющие и продуктивно обогащающие духовно-практическую основу его человеческой общности с другими людьми, либо на достижение также личных, но таких частных целей, которые деформируют эту основу. В том и в другом случае осознанная или неосознанная его собственная рефлексия на мотив обращения определяется исходным для каждого человека вживлением в общее реально-идеальное пространство события с другими людьми и постоянным переживанием его; этот рефлексивный акт нашего «Я» есть не что иное, как совесть, оценивающая свой или чужой поступок-действие как добро или зло. Прав был Риккерт: последний базис знания есть совесть⁵. Ведь каждое, в том числе когнитивное, переживание — либо акт сочувствия, со-мыслия и содействия людей друг с другом (у индивида — всегда с самим собой; отсюда, видимо, «золотое правило» нравственности), либо уже его внутренняя мотивация готовит нарушение не только интересов других, но в них и изначально сущностную субъективную всеобщность со-бытия людей. Но вернемся к постулату общего человековедения.*

Если средний член порождающего человека отношения — слова... слова... слова... (слово в обращении как дело и всякое дело как слово, коль скоро и оно, мотивированное аффективным всеобщим смыслом бытия человеческого, обращено к другим и к себе) и если с помощью слов и дел создается общее реально-идеальное пространство нашего общения, в котором каждый из нас находит весь мир, то стоит повнимательнее взглянуться в слово, в образ, в знак, в предмет и орудия труда, в образы природных и общественных явлений... Ведь именно слова и дела в качестве реально-идеального внешнего образа Бытия в каждом из нас существуют как внутренний мир нашей души, нашего сознания, предсознания, наших бессознательных переживаний их всеобщих культурных смыслов.

Образ мира в нас — это любой перцептивный контакт с внешней реальностью вне нас, найденной нашим восприятием-воображением, превращенный им в смыслонесущий образ — во образ. Но образ сей не в круглой голове нашей, а всегда — вне ее. Это он, с любовью обласканный, со страхом отторгнутый, но всегда... представший перед нами (если сердце болит, то и в нас), во сне себя «нащупанный», обрисованный, перед-нами-поставленный (данный нам в представлении) перцептивными органами души или, если хотите, нашего «Я», (его органами, а не ВНД⁶), а тем самым всем общечеловеческим и личным опытом преобра-

⁴ Его смело можно назвать реально-идеальным пространством духовно-практической культуры людей.

⁵ Риккерт Г. *Философия жизни*. Киев, 1998. С. 156.

⁶ Именно я, именно **мои** всегда вперед **меня** забегающие эмоции и мысли, еще не успевшие вспугнуть мою нервную систему рождающимся из конфликтов смысла образов-слов и слов-образов напряжением **внимания** (а не самой по себе перестройкой связи нейтронов), направляют энергию перцептивных усилий организма на поиск образа-смысла, способного эти конфликты разрешить. Иоганнес Мюллер ошибся: ощущение — не переживание организмом состояния собственных нервов. Ощущение — это переживание поиска смысла в мире. О, как давно твержу о том я миру! (См.: Михайлов Ф. Т. *Загадка человеческого Я*. М., 1976).

зования чувственного восприятия в смыслонесущий аффект обращения к другим и к себе как к другому. Образ так понятого слова никогда не бывает просто информацией, хранимой памятью так, как будто он записан на магнитной ленте⁷, или другими словами написанной в словаре. Слово... Оно совсем похоже на кошелек с целым набором внутренних отделений — так, Шалтай-Болтай, не успев еще свалиться со стены, объяснял Алисе суть каждого слова. То есть его себе не ровность, определяющую не словарное значение, а именно живой его смысл, создаваемый постоянным ожиданием потока смысла в ответных словах. И только в нем, в этом потоке, жизнь живого слова, а не хранение его тупа в саркофаге-словаре.

Или вот еще — чувства, аффекты, высшие наши эмоции... Не говоря уже о нейрофизиологах, даже кое-кто из психологов разыскивает их если не в сердце, то где-то в нейронах подкормки и вегетативной нервной системе. В «душе» не ищут, нет для них у нас с вами души. А если в ее рационально-вербальном эквиваленте — в психике, то это, вообще, черт его знает где. Ведь под кожей, обтягивающей тело индивида *Homo sapiens*, ничего, кроме живой материи, обнаружить никак нельзя. «Физиология эмоций» — это о чем? О том, что высокие эмоции ребенка и взрослого пробуждаются порождающим их отношением одних нейронов к другим? Или всё же о том, что происходит с нейронами мозга, когда сенсорное образное восприятие чувств и мыслей других людей, вызвавшее к жизни и саму его способность воображения, преобразует ее, обогащая новыми чувствами, содрогающими все его нейронное вещество? Если второе, то верно; если первое, то сонный бред робинзонад прошлого века.

Живая материя целостного организма на то и живая, чтобы всей силой своей жизни переживать свою связь с миром Бытия — свое порождающее жизнь отношение ко всем внешним условиям и средствам... духовного и физического своего обеспечения. И среди искомым ею условий и средств, форм и способов оживления всей этой ее организменной «биохимии» главное условие — это напряженное всеми бывшими, настоящими и возможными впредь смыслами и аффектами, вполне реальное в пространстве и времени Бытия, intersубъективное поле нашего человеческого общения, вне которого невозможно само физическое человеческое существование.

Так где же искать психологу и педагогу чувствующую душу ребенка? Только там, где живут его детские страхи человеческие, его радости и печали, его светлая, нежная, горькая любовь к Русалочке Андерсена и пусть уже поэтому не первый, но также еще не осознанный катарсис неудержимых слез, вызванных из самых глубоких глубин его души образом замерзающего в снегу старика, вдруг услышавшего все приближающийся радостный лай своей Музгарки... похороненной им перед уходом навсегда со своего зимовья на Студёной. Но где это? Где «спрятались» его воистину высокие эмоции, делающие человека человеком? Где их искать психологу и педагогу: первому — чтобы понять, исследуя, второму — чтобы их развить и наполнить, дополнить и доразвить каждое в отдельности... будь они наследственно предопределены или настроены чьим-то воспитанием до детского сада и школы?

Ответ: только там, где растут и набирают силу его мышление и эмоции, где формируется способность внимания, где крепнет его воля, где память его, цепко держась за всё здесь и

⁷ Поэтому, кстати говоря, нам придется отвлечься от морфофизиологии церебральных структур и процессов, технологически центрирующих и тем обеспечивающих сохранение активных нейродинамических и мышечных движений организма, ими творящего внешний мир нашего **воображения** (восприятия, мышления, аффективно-смысловой памяти, волевых усилий внимания и действия)... И хотя некоторые (даже психологи!) изучение технологических цепочек централизованного управления бесчувственным мозгом интер- и интрацепторной деятельностью организма как единого целого до сих пор принимают за изучение фундаментальных основ психических явлений, нам придется их разочаровать: смыслонесущие аффекты и аффективные творения смыслов (то есть психика человека!) существуют не по причине физиологии телесных процессов и тем более не в физиологии как таковой, а в мире внешних образов, в мире их аффективных смыслов, но конечно же с помощью централизации деятельностью мозга в единое церебрально-эфекторно-мышечное, церебрально-секреторное, церебрально-гуморальное и всякое иное физиологическое движение, формирующее образное восприятие и чувственное переживание внешних и внутренних объективных условий жизни организма *Homo sapiens*.

сейчас видимое и слышимое, всегда аффективным смыслом, а главное — замыслом наполненное, втягивает, вплетает в чувственную эту смыслообразность нужные образы из ранее пережитого, но неразрывно связанного с каждым мгновением аффективно мыслимой внешней реальности бытия. Вне этой интерсубъективной «внешности» непрерывно собой и в себе переживаемого мира нет в душе у ребенка, да и у нас с вами, памяти⁸. Вне внешнего мира, вдруг распахнувшегося перед ребенком (а это и значит — в нем) единое, смыслочувственное поле нашего общения с ним, единое реально-идеальное пространство духовной, духовно-практической культуры, образованное... порождающим всех нас отношением друг к другу.

Но сегодня педагогическая деятельность (обучение, воспитание) занята поиском в психике ребенка и того, чему, с точки зрения педагога, следует быть в каждом, и того, что следует в нем подавить. Это — и мышление как свойство именно его мозга, это и знания, этим мозгом уже усвоенные... это пока еще не очень развитые высшие эмоции... это и способность к устойчивому вниманию (к заведомо ему неинтересным, мучительно скучным байтам информации)... плохая или хорошая память, слабая или сильная воля, развитое или неразвитое (с точки зрения взрослого) нравственное чувство, а также ярко выраженные страсти к тому или иному виду образовательной (образующей его) деятельности... к озорству или математике, к истории или к курению и водке и т. п. природным или до школы воспитанным склонностям и способностям...

Побойтесь Бога, господя! Где, в каких своих экспериментах «нащупали» вы мысль, которая не была бы речью — обращением ребенка к другим или к себе на той или иной разновидности триединого языка (разве что в учебнике русского или английского языка?), которая не рождалась бы мотивированным актом живого обращения к ребенку почему-либо вам необходимого (разве что в классе на уроке в ответ на ваше обращение?).

А ведь даже ребенку ясно, что речь — это то, что приходит к нам из общения друг с другом; то, что постоянно в нас постольку, поскольку всегда между нами — в пространстве, образуемом нашей встречей всегда между нами, — в пространстве, образуемом нашей встречей с другими людьми! Где, в каких своих экспериментах хотя бы раз нашли вы аффект, эмоцию, переживание, которые не были бы фактом и актом сопереживания и сочувствия! Ведь и в качестве внутреннего переживания они возможны лишь как чувственная компонента создавшей нашу психику триединой речи, ни на миг не умолкающей вокруг нас и между нами — в том же вполне реальном пространстве наших встреч друг с другом. Если лишить ребенка участия в творении эмоционально окрашенных обращений к близким взрослым, то его «эмоции» и «аффекты» останутся переживанием (возможно, что и острым)... витальных нужд организма. То же самое относится к памяти, вниманию, воле...

Отсюда явно риторический вопрос: почему же в школах и университетах учат нас не живой речи мысли и чувств, а языку знаков и правилам их сочетания в немой технологический текст, бледный и бедный в своей искусственно-функциональной ограниченности?

А из него — последний (в данном случае) вывод из постулата общего человековедения:

Нет ни одной способности души человека, которая бы не рождалась, не сохранялась и не развивалась бы в качестве его внутреннего субъективного состояния иначе как в пространстве встречи и взаимной речи возрастных когорт и поколений.

⁸ Вопреки методологической робинзонаде психологов и педагогов, реально проживший одиноко на необитаемом острове моряк — тот, кто послужил Даниолу Дефо прообразом Робинзона, оставался памятьливым человеком (тем самым человеком вообще) до тех пор, пока окружавший его мир — деревья, кусты, птицы, источники вод и т. д. — отвечал его взору, его слуху на родном его языке. Когда же весь этот мир перестал пугать смыслом неизвестности и радовать осмысленной полезностью и осмысленной красотой, то перестал с ним и говорить так, как говорят люди: «это — лес», «это — змея» и т. д., а «заговорил» совсем по-другому — ощущениями тела: холодно или тепло, голодно или достаточно сытно, светло или темно... И не вопрос «Что это?», а мгновенная ориентировочная или охранная реакция тела произвольно заставляла совершать нужные движения. Тогда он потерял память и... перестал быть человеком. Как известно, вернуть людям его, как и воспитанниц волчихи — Камалу и Амалу, так и не удалось.

Следовательно, именно этим пространством и следует заниматься педагогам (и психологам образования. — Ред).